

состояла в том, что каждый имеет право свободного выбора религии и защиту в случае посягательства на эту свободу. Это и стало одним из источников направления, развившегося впоследствии в либерализм XVIII – XIX веков. Просматривается также соответствующая постановка вопроса о вмешательстве государства в решении религиозных вопросов в рамках конфликта О. Кромвеля и Долгого парламента [11, с.620].

Становление правового государства как западноевропейского феномена преобразовало идею толерантности в гораздо более широкий контекст. В результате дискредитации самой себя постепенно произошла утрата ее господства церкви в сферах общественной жизни, в частности, в идеологической сфере, поэтому феномен «толерантность» в течении нескольких веков оформлялся как результат борьбы между светской властью и властью пап. В этом контексте природу феномена «толерантность» возможно определить как конфликтный консенсус: христианская культура и культура светская согласны в отношении общих ценностей, которые они обосновывают по-разному (формулируют в более схожих выражениях, через наличие религиозных корней светской культуры), с одной стороны, из секуляризованного христианства, а с другой – из критического компонента христианской культуры. Конфликтность консенсуса заключается в том, что они идут разными путями и имеют разные источники [12, с.325].

Толерантность, таким образом, связывается, прежде всего, со свободой выбора индивида, с наличием возможности свободного его самоопределения. Это существенная отличительная черта сложившегося феномена «толерантность» на сегодняшний день.

Выводы:

Во-первых, в Древней Греции и Древнем Риме сложились своеобразные формы терпимости, которые носили неустойчивый и ограниченный характер, а в философских концепциях терпимость получает осмысление, прежде всего, в рамках различных этических моделей поведения индивида;

Во-вторых, в философской европейской средневековой традиции терпимость оформляется в контексте религиозного учения христианства и связывалась со смирением, покорностью, воздержанием, обузданием человеческих страстей на пути к покаянию;

В-третьих, появление феномена «толерантность» происходит в связи с возникновением светской культуры в эпоху Возрождения, и в силу своего неустойчивого характера и в результате религиозных войн получил дальнейшее оформление как религиозная толерантность;

В-четвертых, с рождением правового государства окончательное становление феномена «толерантность» происходит в противовес диктату религиозной культуры в идеологической сфере и формируется как право человека быть иным с одновременной гарантией защиты от посягательств со стороны других на эту свободу.

Источники и литература

1. Августин Бл. Исповедь. – М.: Гендальф, 1992. – 544 с.
2. Аврелий Марк. Наедине с собой. Размышления. – М., 1914. – кн.3. – 123 с.
3. Античная Греция: Проблемы развития полиса /Редкол. Е.С. Голубцова (отв.ред.) и др.). – М.: Наука, 1983.- Т.1 Становление и развитие полиса /Г.А. Кошеленко, Г.Ф. Полякова, В.П. Яйленко. – 423 с.
4. Античная Греция: Проблемы развития полиса /Редкол. Е.С. Голубцова (отв.ред.) и др.). – М.: Наука, 1983.- Т.2 Кризис полиса. – 1983. – 383 с.
5. Аристотель. Никомахова этика. Сочинения в 4-х тт. – т. 4. - М.: Мысль, 1984. – 830 с.
6. Валитова Р.Р. Толерантность как этическая проблема. Диссертация на соискание...философских наук. – М., 1997. – 180 с.
7. Коплстон Ф.Ч. История средневековой философии /Пер. с англ. И. Борисовой – М.: Энигма, 1997. – 512 с.
8. Круглова Н.В. Толерантность: генезис и типология. Диссертация на соискание ... философских наук. СПб, 1998. – 182 с.
9. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М.: Мысль, 1993. – 380 с.
10. Платон Горий. Сочинения в 4-х тт. – т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 863 с.
11. Рассел Б. История западной философии в 3 кн. – СПб.: Азбука, 2001. – 960 с.
12. Рикер П. Толерантність, нетолерантність, неприйнятне // Навколо політики. – К.: “Д.Л.”, 1995. – С. 313–332.
13. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 464 с.
14. Ищенко Ю.А. Толерантність як філософсько-світоглядна проблема // Філософська і соціологічна думка. – 1990. – № 4. – С.44–55.
15. Тертуллиан К.С.Ф. Избранные сочинения. – М.: Прогресс, 1994. – 448с.
16. Уолцер М. О терпимости. Лекции по этике, политике и экономике. Перевод с англ. Яз. И. Мюртер. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.

Масаев М. В.

ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ КАК СИМВОЛ РУССКОГО НАРОДА И ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Отличительной чертой наших далеких предков была любовь, замешанная на сострадании к слабому и беззащитному, из которой выросла наша великая и самобытная культура», – пишет российский публицист, литературный и театральный критик В. П. Меженков [1, с.682]. Следует только отметить, что слова «далекие предки» вряд ли можно отнести к дохристианской Руси. Ведь культура родового строя не знает христианской любви к ближнему, а любовь внутри рода искажалась половым и возрастным неравенством. Может быть В. П. Меженков понимает под «далекими предками» наших пращуров при матриархате, который он считает почему-то «по праву» (непонятно по какому) Золотым веком [1, с. 135]. Но то, что наша действи-

тельно великая и действительно самобытная культура выросла из замешанной на сострадании к слабому и беззащитному любви, вполне можно согласиться. Вот только любовь к ближнему как сострадание к слабому и беззащитному начинает утверждаться с появлением христианства (любовь милосердного самарянина к «впавшему в разбойники» ограбленному и избитому иудею, с которыми самаряне враждовали). «С течением времени, – продолжает В.П. Меженков, – эта любовь-сострадание – при самом деятельном участии со стороны власти – стала энергично вытравливаться из нас, а вместо нее подсовываться в качестве единственных настоящих ценностей понятия собственности, денег, рыночных отношений другой вздор, никакого отношения к духовности не имеющий» [1, с. 682–683].

Христианская цивилизация провозглашает сердцевинной своей этики любовь. Но на так называемом «христианском» Западе об этом давно забыли Западно-христианская цивилизация особенно после протестантской ереси стала поклоняться собственности, деньгам и рыночным отношениям. К такому поклонению были готовы и легко на него перешли и католики. Иезуитская реакция на протестантскую ересь также ничего общего с христианской любовью не имела. Любовь как цивилизационная ценность оставалась в качестве христианской добродетели лишь в православии, центр которого переместился после падения Константинополя, второго Рима, в Москву, Рим третий. О том, что именно Москва стала третьим Римом, писал Василию III старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей [11, с.19], а царю Феодору Иоанновичу патриарх Константинопольский Иеремия II (11, с.19).

Но после того, как Петр I прорубив «окно в Европу», стал внедрять западные ценности, после того как три русские революции отбросили православную этику на задворки истории, а продолжение октябрьской революции горбачевская перестройка развалила наше бывшее великое государство на части, возрождение православия, но в качестве государственной религии продолжающего оставаться безбожным государством, любовь как христианская цивилизационная ценность что-то никак не может возродиться. Напротив дух собственности, денег, рыночных отношений, где места любви нет, только усиливается.

Зарождение государственности у восточных славян, осознание ими себя как этнической общности проходило уже не в любви к ближнему своему, не в опоре на них и не в единении с ними, что было бы логично, а в ненависти к своим соплеменникам, в которых только и видели своих главных врагов. Это было бы странно, особенно с точки зрения борьбы за материальные блага. Из-за чего им было ненавидеть друг друга? Из-за земли? Ее всегда на русском пространстве было много и каждый мог взять ее себе столько, сколько мог обработать. Из-за собственности? Собственность наши предки не признавали, как не признавали они и денег. Из-за природных богатств. Но разве это не наши предки говорили варягам: Земля наша велика и обильна? Не было у наших предков культа труда, что так раздражало царя-реформатора Петра I. В подсознании русских крепко сидела истина – от трудов праведных не наживешь палат каменных. Нечего было нашим предкам ни делить между собой, ни отнимать друг у друга. В обществе, где собственность коллективная, где частной собственности нет, действительно делить нечего. Но если имущественного неравенства при родовом строе не было, то было неравенство половое и возрастное. что искажало и любовь половую и любовь между родителями и детьми и любовь детей между собою. Не было христианской сострадательной любви к ближнему и внутри рода, и уж тем более за его пределами. Враждовали между собой и роды, и племена. Не было никакой сострадательной любви, как уже отмечалось, и в материнском Роде. Могла же жена героя-царя Агамемнона, предводителя греков в троянской войне, завести в отсутствие законного мужа любовника, а потом убить ставшего ненужным вернувшегося с войны героя-мужа, а богини-мстительницы материнского рода ее оправдывали.

Не было у наших предков до принятия христианства любви к ближнему, и возненавидели они своих соплеменников, а соплеменники ответили им тем же. «С этого времени, – полагает В.П. Меженков, – и начался в нас антироссиянин, который был поначалу не более чем семенем, этаким безобидной X – хромосомой» [1, с.684].

Интересно, что X – хромосома, символизирующая в отличие от чисто мужской Y – хромосомы женское начало, является здесь знаком осколка женского гена, т.е. символом пережитка материнского рода. Представление этого пережитка как феномена отрицательного заставляет В. П. Меженкова, идеализирующего материнский род и женское начало [1, с.135], противоречить самому себе, но не истине. А истина такова, что ни матриархат, ни патриархат, ни родовой строй в целом не могли спасти человечество ни от межплеменной, ни от межродовой, ни от внутриродовой вражды.

Как бы понимая, что взаимная ненависть рано или поздно приведет к полному уничтожению друг друга, наши предки обратились к иноземцам, пригласив их вначале в качестве третейских судей, а затем вверив им всю полноту власти над собой. «С этого момента, – отмечает В.П. Меженков, – с момента призвания на княжение и владение, в нас возникло еще одно семя – Y – хромосома, которая, соединившись с X – хромосомой, и породила уroda-антироссиянина» [1, с. 684].

Введение христианства, и христианства еще не испорченного ни уже росшей в его недрах римско-католической ересью, ни будущей ересью протестантской, давало Руси шанс остановить процесс становления этого уroda-антироссиянина. Но окно в Европу, преклонение перед западными ценностями, их бездумное привнесение, в том числе и революций, и социализма, которому не было альтернативы, и дикого рыночного капитализма, которому также нет альтернативы, отказ вслед за Западом от подлинных христианских идеалов сделали этого уroda хозяином нашей жизни.

Как выйти из этого положения? «...нам необходимо обратиться к еще более глубокой древности, – пишет В.П. Меженков. – И попробовать еще раз начать с того, с чего начался человек в этом мире, – с поиска Бога, с веры в него, с того, чтобы заново научиться молиться» [1, с.684].

Но делать это надо не подчиняя пытающееся возродиться православие государству, как это делается в России, и не пытаясь уйти от родного православия в униатство, автокефалию или еще куда-нибудь подальше от великой христианской традиции, начатой в Иерусалиме и в Риме, а после его падения в ересь, перешедшей в Константинополь (Второй Рим), а после превращения последнего в мусульманскую столицу в

Москву (Третий Рим) с возможностью превращения в Третий Рим, или во Второй Константинополь Киева. Причем последнюю возможность предусматривал К. Маркс для средних веков [2, с.238], а для настоящего времени А.С. Панарин [3, с. 358-366; 10, с.9]. О том, что Киев мог быть «новым Иерусалимом», писал и И.Н.Данилевский [10, с.355-368].

Сейчас же хотелось бы вернуться к словам В.П.Меженкова необходимо обратиться к еще более глубокой древности [1, с.684].

Но откуда же взялся у русских и прочих восточных славян, как выражается В.П. Меженков, этот «чертов антироссиянин» [1, с.25]. Это выяснить довольно-таки трудно, потому что, как сокрушается В.П. Меженков, «у нас русских нет истории. То, что предлагается нам под видом науки о прошлом, на самом деле никакая не наука, а изъеденное молью платье, которое каждый, кому не лень, перекрашивает и перелицовывает на свой вкус. Но чем больше это платье перекрашивается и перелицовывается, тем менее пригодным для носки оно делается. Оттого-то Россия превратилась в единственную в мире страну с «непредсказуемым» прошлым.» [1, с.25]. Но Россия не такая уж единственная страна с подобным феноменом. И хотя бывший президент Украины Л.Д. Кучма и назвал свой бестселлер «Украина – не Россия», прошлое Украины не менее, если не более непредсказуемо. Кто бы мог подумать, что Древний Египет завоевали в свое время не гиксосы, а запорожцы, которые по дороге, за пять веков до появления в Палестине древних евреев, основали Иерусалим. Но украинцы все же проявляют интерес к своей истории и начинают даже гордиться ею. Тем более, что украинцы основали святой город Иерусалим, завоевывали Древний Египет и даже ... открыли Америку. Нет, не до Колумба, как это сделали русские (викинг Эрик Рыжий, или Эрик Счастливый, был русским, с этим согласны даже норвежцы, чего стоит только советско-норвежский фильм *Drakensfangene* (Пленник дракона) в норвежской версии и «Здесь на камнях растут деревья» в русскоязычной версии, – М.М.). Украинцы открыли Америку не до Колумба. Просто... Колумб был, оказывается, не генуэзцем, а коломыйцем, украинцем из Коломыи. Украинцы как молодая нация живут своим непредсказуемым прошлым. Русских же, особенно чертовых антироссиян, которых большинство, собственная история уже не волнует. Между тем народ, не проявляющий интереса к своей истории, утрачивает, как утверждает В.П.Меженков, интерес к постижению своей души, а, утратив интерес к душе, лишается корней, снабжающих его жизненной силой. Что собственно и привело к тому, что дремавший в нас до поры до времени антироссиянин вдруг вырвался на волю и разбушевался [1, с.25].

А переделывать русскую историю начали уже в 1113 году, когда по приказу Владимира Мономаха «Повесть временных лет» знаменитого Нестора-летописца была переделана сначала игуменом Сильвестром, а затем лично сыном великого князя Мстиславом, в результате чего в 1118 году на свет божий появилась новая версия несторовской летописи, ничего общего с оригиналом не имевшая, а сам оригинал исчез. Чуть ли не исчезло «Слово о полку Игореве».

Но есть вещи, которые изменить и сфальсифицировать трудно. Легко было сфальсифицировать «Влесову книгу», создать «новую хронологию» Анатолия Фоменко, по которой Иван Калита и хан Батый – одно и то же лицо, легко было назвать Христофора Колумба украинцем, а гиксосов запорожцами, но вот сфальсифицировать огромный, высотой 2 м.67 см., четырехгранный известняковый идол Род-Святовит, найденный в 1848 году на дне реки Збруч и известный больше как Збручский идол, хранящийся ныне в Краковском Археологическом музее в Польше, вряд ли представляется возможным – он подлинный.

Попробуем рассмотреть его как символ русского народа и парадигмальный образ восточнославянской цивилизации, которая после прививки ее православию могла бы стать жизнестойкой перед лицом любых влияний. Причем, хочется верить, что возможности этой жизнестойкости еще не исчерпаны.

Во многих символах изображение, заменяющее изображаемое, весьма и весьма внешне далеко от последнего, что и определяет значение символа, как такового, почему символ можно понять лишь как единство его видимой и невидимой части, как единство отображения и отображаемого [5, с. 96-106], [6, с. 148-149]. Видимая же часть Збручского идола настолько богата и выразительна, что помогает судить с более или менее достоверной точностью о невидимой, ведь рассматриваемый нами Род-Святовит не есть изображение какого-либо отдельного божества, а дает целую космогоническую систему, четко сложившуюся у племен восточных славян к девятому веку, что в свою очередь позволяет судить о культуре и психологии этих племен, уже обнаруживших свое родство и свое единство и сумевших доказать это в таком археологическом памятнике как Збручский идол.

Подробное описание этого памятника дал академик Б.А.Рыбаков [7, 8], а его психологический анализ В.П.Меженков [1, с.121-134]. Наглядное изображение всех четырех граней памятника мы можем увидеть в книге П.А.Сапронова «Русская культура IX – XX вв. Опыт осмысления», вышедшей в 2005 году в Санкт-Петербурге в издательстве Паритет [9].

Что же увидел на збручском памятнике академик Б.А. Рыбаков, взглянув на него с высоты своих знаний древнерусской истории и культуры? Он увидел три яруса изображений, разделенных на 12 секций, из которых одна в нижнем ярусе, а остальные имеют по одному изображению, т.е. 11 персонажей [9, с.94.]

Чистая грань к чему-то прислонялась, и это была скорее всего задняя грань, а противоположная соответственно главной, лицевой. На этой грани изображен усатый мужчина, стоящий на коленях и поддерживающий, как атлант, всю среднюю зону, на прилегающих гранях эта же коленопреклоненная фигура показана сбоку, но при этом личины не в профиль, а анфас. Колени боковых фигур соприкасаются с коленями основной [9, с.94].

Верхний ярус содержит крупные изображения двух женщин и двух мужчин в длинной подпоясанной одежде. Средний ярус аналогичен верхнему, но фигуры здесь значительно меньше. Они также делятся по полу: под каждым женским изображением тоже женское, под мужским – мужское. Одежды тоже длинные, но без пояса. Фигуры среднего яруса даны с расставленными руками, как бы образуя хоровод [9, с.94].

На центральной лицевой грани изваяна женская фигура с рогом изобилия в правой руке, женская фигура под ней сопровождается маленьким плоско-рельефным изображением ребенка, завершается внизу эта грань коленопреклоненной фигурой мужчины-атланта. [9, с.94].

Разномасштабность фигур верхнего и среднего яруса говорит о том, что наверху изображены боги и богини, а под ними – простые люди. Боги в 3,5 раза крупнее людей. Средний атлант нижнего яруса также

должен быть отнесен к богам, так как если бы он встал с колен, он имел бы размеры фигур верхнего яруса. Справа от центральной богини с рогом изобилия находится еще одно женское божество с кольцом или браслетом в правой руке. Слева от центральной богини мужская фигура с саблей и конем без седла. На задней грани идола – второе мужское божество с солярным знаком на одежде (круг с шестью лучами внутри него).

В главной женской фигуре академик Б.А. Рыбаков увидел Макошь, «Мать урожая», во второй – Ладу, богиню весны, весенней пахоты и сева, покровительницу брака и любви. В фигуре воина просматривается Перун, бог грозы и войны, божество со знаком солнца – Дажьбог, сын небесного Сварога, бог солнечного «белого света», податель благ, но не сам бог солнца Хорс, о чем свидетельствует символ солнца, а не само оно, как это было бы для бога светила.

Мужское божество, держащее на своих плечах всю землю – это Велес-Волос, «скотий бог», бог богатства и обилия, одна из ипостасей которого связана с подземным миром, царством мертвых, миром умерших предков, помогающих оставшимся в живых потомкам.

Общий вид Збручского идола – фаллический [9, с.94]. А фаллос – это символ всеобъемлющего и вездесущего славянского бога, имя которому Род. Род, находящийся на небе и влияющий жизнь во все живое, а потому и имеющий вид фаллоса.

Что же увидел за этим изображением В.П.Меженков?

Первое – это то, что главным кумиром славян было женское божество. «Это вполне согласуется с сильно развитым женским началом у русских, в отличие, скажем от немцев, у которых ярче выражено мужское начало. Женское начало предполагает терпение, покорность, зависимое положение от более сильного мужского пола, безынициативность и в то же время способность к бескорыстному созиданию, основанному на природной потребности зачинать и рожать детей, выступать в роли хранительницы и продолжательницы рода» [1, с.127].

Второе – это то, что у правителей Руси с самых зачатков государственности были иные, свои боги, не всегда понятные народу и чуждые ему, в первую очередь главный княжеский бог Перун, что, как утверждает В.П.Меженков, в переводе с древнеисландского языка означает «разящий гром» [1, с.128]. Намек на скандинавское происхождение Рюриковичей. (Интересно, что в современном польском языке слово *rogun* (Перун) означает просто молния. – М.М.) Еще более интересно, что русские действительно приглашали на княжение варягов, а поляки как будто бы обошлись без этого.

Третье, что увидел В.П.Меженков, это то, что представление о Роде-фаллосе, как образе мужского детородного органа и как символу некоей животворящей силы, объемлющей собой все видимое и невидимое пространство – небо, землю и подземное царство, – настолько глубоко укоренилось в сознании наших предков, что после принятия христианства русские продолжали считать мир трехмерным, только теперь эти три составляющие Вселенной объединял не Род-фаллос, а символ веры христиан – крест. В качестве примера В.П.Меженков приводит натальный крест-энколпион с тем же трехъярусным делением: верхний отдан Христу с распятыми руками, средний – занимает Богородица, а на нижнем помещен человек. При этом женское божество, опустившись в средний ярус, сохранило непосредственную связь с человеком, а нижний ярус исчез вовсе (живородящая сила земли перешла в ведение Христа) [1, с.129].

Следует только поправить В.П.Меженкова – Господь Животворящий у христиан – это Дух Святой, иная чем Христос и Бог-Отец ипостась Троицы, ипостась, которая также как и иные ипостаси Троицы женского начала не имеет.

Интересен и четвертый вывод из анализа Збручского идола, сделанный В.П.Меженковым. Это вывод о том, что «сказанное не означает, что христианство утвердилось на Руси легко и быстро, вытеснив из подсознания русских веру в Род как всеобъемлющую созидательную вселенскую силу» [1, с.130].

Да, это так, тем более, что женское начало никогда не торопится менять веру, а понимание верховенства Бога-Отца в монотеистической религии приходит лишь в случае полной победы мужского рода над женским. Именно этого и не произошло у славян в момент, когда у них возникла необходимость в государственности, чтобы не быть раздавленными соседями с мужским началом. А поскольку из своей среды с женским началом лидеров с мужским началом они выдвинуть не могли, пришлось пойти на призвание варягов, представителей германских народов, народов с сильным мужским началом, то есть с уже полностью победившим мужским родом. К сожалению, факта победы на Западе Европы мужского рода над женским и задержки такой победы на Востоке Европы не заметили ни академик Б.А.Рыбаков, ни В.П.Меженков. Да, ненависть бывших христиан, впавших в римско-католическую ересь, прежде всего инквизиторов к женщинам можно объяснить и с позиции психоанализа и подавления в них сексуальных инстинктов, но не только. Целибат католического духовенства и отсутствие celibата белого духовенства у православных можно объяснить более сильными пережитками материнского рода на Востоке Европы. Этим же можно объяснить «охоту» на женщин под видом «охоты на ведьмы» в Средние века в Западной Европе и отсутствие таковой на Руси. А психоаналитическое подавление половых инстинктов – это уже вторичное.

Пятое, что понял В.П.Меженков, анализируя Збручский идол, это то, что его четырехгранность и четкое ориентирование граней по сторонам света указывает на «всесилие Первобога-Рода, распространившего свою власть на все четыре стороны мироздания, которые в представлении наших предков ассоциировались с восходом и закатом солнца, полуднем и полночью, то есть олицетворяли рождение человека, достижение им зрелости, старость и, наконец, смерть, за которой следовало рождение новой жизни. Замкнутость этого цикла, переход из одного состояния в другое, образующий в совокупности животворящую вечность, и составил оптимистическую суть мировоззрения наших пращуров, символом чего являлся Род как неисчерпаемая потенция.» [1, с.133].

Интересно замечание В.П.Меженкова, что православные храмы, как и Збручский идол, всегда ориентированы строго по сторонам света и увенчаны сферическим куполом (чего не увидишь в архитектуре католических храмов...) [1, с.133].

Да, так называемые христианские цивилизации на Западе и Востоке разные. И на разность эту указывает Збручский идол, символ русского язычества, прививка к которому христианства и дала ту цивилизацию, которую мы называем православной в отличие от католическо-протестантской.

А пережитки материнского рода сказываются и до настоящего времени. Русским нужна была варяжская государственность, нужны были тираны, люди с сильным мужским началом, от Ивана Грозного и Петра I до В.И.Ленина и И.В.Сталина.

В России, да и не только в России, но и в Украине хотят твердой мужской власти, даже если ее осуществляет женщина (Ю.Тимошенко). Демократии, как формы организации людей с мужским началом, у нас не понимают, да и не получают она у нас, сползая в дерьмократию, власть олигархических кланов. Государственной сплоченности в нашем обществе противостоит догосударственная разобщенность, унаследованная от господства вышедших из первобытного стада материнских родов. Поэтому и относятся друг к другу русские как во времена изваяния Збручского идола не как представители одной нации, а как представители разобщенных материнских родов, пусть и говорящие пока на одном языке.

Христианству, как религии любви к ближнему вне зависимости от любви половой, русские революции нанесли губительный удар, отбросив общество даже не к языческому, а доязыческому состоянию. А навязывание и русским, и украинцам с их женским, безвольным началом культуры всеокулачивающего постмодернизма и глобализма может превратить эти народы в жалких исполнителей воли сильных мира сего.

И это тоже нам говорит Збручский идол.

Пора расставаться с языческими пережитками давно исчезнувшего на Земле материнского рода, но не через отрицание господствовавшего в нем культа половой любви, не в опошлении его, что нам навязывает морально разложившийся, но материально процветающий Запад, а в сублимации этого культа в подлинный гимн любви и как в ветхозаветной «Песне песней», и как в новозаветной проповеди Иисуса Христа и его апостолов.

Любить надо не только женщину как главу материнского рода и предмет мужской страсти, но и ближнего и не половой любовью, а любовью новозаветной, христианской, тогда прекратится лютая ненависть русских к русским, которая остается для мудрого В.П.Меженкова «неразрешимой загадкой»[1, с.688]. А деятельная сострадательная любовь к своему страдающему народу освободит его от страданий.

Збручский идол рассказал много того, чего не смогли рассказать многократно переделываемые летописи. Интересно замечание П.А. Сапронова о том, что «первенствовал в нашей культуре именно зрительный образ. По крайней мере в том отношении, что зрительные образы, созданные древнерусскими авторами, неизмеримо масштабнее созданного в слове»[1, с.162].

Збручский идол как бесспорный исторический памятник весьма символичен, и богатство невидимой части этого символа, как показал материал этой статьи, огромно. Символ языческой Руси много рассказал об особенностях субстрата восточно-христианской, или православной, цивилизации в ее отличии от цивилизации западно-христианской (католическо-протестантской). Эти особенности в известной мере и предопределили разность путей развития ветвей христианской цивилизации и даже особенности самых последних лет жизни так называемого постсоветского пространства.

В этом и заключается вся актуальность представленного в настоящей статье материала

Источники и литература

1. Меженков В.П. Русские: истоки, психология, судьба. – М.: Русская книга, 2003. – 696 с.
2. Маркс К. Поражение правительства по финансовому вопросу. – Извозчики. – Ирландия. – Русский вопрос // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. – Т. 9. – С. 231 – 240.
3. Панарин А.С. Политология. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: «ПБОЮЛ С. М. Грачев», 2001. – 448 с.
4. Baldock John. The elements of Christian symbolism. – Shaftesbury, Dorset. Rockport, Massachusetts. Melbourne, Victoria: Element Books Limited, 1997. – X, 134 p.
5. Масаев М. В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2. – С. 96-106.
6. Масаев М. В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57. – Т. 2. – С. 148–149.
7. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981. – 607 с.
8. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1987. – 782 с.
9. Сапронов П.А. Русская культура 1X – XX вв. Опыт осмысления. – СПб.: «Паритет», 2005. – 704 с., ил.
10. Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть новым Иерусалимом. // Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII в.в.). Курс лекций: Учебное пособие для студентов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С.355–368.